

ПОЛУправда

Сегодня, когда отношения между Украиной и Россией достигли самого низкого уровня в нашей общей истории, воспроизводимая ниже статья кажется карикатурой. И тем не менее формально в словах автора — видного украинского (а затем — и московского) чиновника — нет ни грамма лжи. Он неизменно говорит правду; вот только эта правда НЕ вся.

Скажем, можно ли спорить с замечанием о том, что воссоединение Украины с Россией в 1654 году сыграло огромную позитивную роль в истории Левобережья Днепра? Нет, конечно. Проблема в другом: сплошь и рядом автор упорно уходит от разговора о неудобных для него явлениях. Например, о роли шляхты и казачества Поднепровья в войнах Московской Руси с Речью Посполитой XVI—XVII веков, когда они верно служили польским королям, грабя русские земли и убивая русских людей. О мерзости униатства, ставшего первым источником распространения русофобских настроений на землях, позднее ставших Украиной. О позорной «руине» (предательской политике первых гетманов — преемников Б. Хмельницкого), о битве под Конотопом 1659 года, о Мазепе и т. п.

С учетом этого стоит ли удивляться, что, говоря о событиях XVII—XVIII веков, партийный чиновник опустил даже названия «Новороссия» и «Малороссия», явно щадя слух украинских националистов — как жовто-блакитных, так и красных? Ведь и те, и другие в равной мере ненавидят слова, сама форма которых — отражение единства восточнославянских земель. Зато явным шагом навстречу «патриотам» стали замечания о царской России как «тюрьме народов», о преследовании украинского языка и культуры. При этом факт, что первый памятник украинского языка, блестящая «Енеїда...», был издан его автором И. П. Котляревским в Санкт-Петербурге (как и о вещах того же ряда), Подгорный «скромно» умолчал: ведь все они не укладывались в эффектную картину «гонений» на украинскую культуру.

Разумеется, не следует впадать и в эйфорию с противоположным знаком, отрицая сам факт существования «украинского вопроса» в Российской империи: не будь его, не только политическая, но и культурная история пореформенной России выглядела бы по-другому. И тем не менее невозможно отрицать, что вплоть до конца советской истории амбициозные выходцы из Малороссии находили себя не столько в протестном движении, сколько в интеграции в общеимперскую интеллектуальную, политическую, церковную элиту, для них вполне открытую. Это разительно отличало Малороссию от австро-венгерской Галиции, с ее австрийскими чиновниками, польскими

и еврейскими горожанами и угнетаемым крестьянским (украинским!) большинством. Две «Украины» — российская и австро-венгерская — изначально выступали антиподами друг для друга: в одной национализм своими корнями уходил в самую гущу простого народа, а в другой оставался игрушкой узкой группки интеллигентов, носивших вышиванки, украшавших свои дома рушниками и боготворивших Тараса Шевченко, который, между прочим, вел свой не предназначенный для публикации дневник на самом что ни на есть русском языке.

Но главное, что осталось «за кадром» официозного исторического опуса, — это самые болезненные страницы истории российско-украинских отношений. В том числе — история украинского национализма по обе стороны Днепра после 1917 года, Центральная Рада Грушевского и Винниченко, гетманство Скоропадского и Украинская Народная Республика Винниченко и Петлюры, еврейские погромы и террор националистов (как, впрочем, и «красный террор») периода Гражданской войны, коллективизация с ее страшными последствиями на Украине (и не только там), кровавая история ОУН—УПА. Но главное — Подгорный ни словом не упоминает о том массовом характере, который на Советской Украине (не только Западной, но и Восточной) в годы войны приняло коллаборационистское движение и который замалчивался на всем протяжении советской истории. Лишь зверства оккупантов смягчили пронацистские симпатии украинских борцов с «жидобольшевизмом».

Только восстановив историю соседней страны в полном объеме, мы поймем истоки современного состояния российско-украинских отношений, заглянем за кулисы спектакля «нерушимой дружбы украинского и русского народов». Но когда эта — действительно полная — история все-таки будет написана, я хочу, чтобы в ней нашлось место не только для предателей, негодяев и палачей с обеих сторон, но и для моего украинского деда, добровольцем ушедшего на фронт в 1941-м и навеки упокоившегося недалеко от Луганска. Для академика В. И. Вернадского и «Южмаша». Для русскоязычного малоросса Н. В. Гоголя. Для тех тысяч блестящих выходцев с земель Малороссии и Новороссии, которых на современной Украине лишили права быть частью ее истории и культуры, но которых всегда будет с благодарностью вспоминать усыновившая их Россия. И еще много другого, без чего ТОЖЕ не было нашей общей истории.

Так или иначе, эта история уже никогда не будет раскрашена в один цвет; и я не знаю, каких страниц — темных или светлых — в ней окажется больше. Понятно одно: это не будет история «по Подгорному» и иже с ним; «где стол был яств, там гроб стоит», сказал бы великий Г. Р. Державин. ◆